

Итак, в рекламных роликах Восточной Сибири мы видим несколько особенностей соприкосновения фольклорной сказки и рекламы: прежде всего — условность жанра волшебных сказок и неизменность сказочных персонажей; во-вторых, прямую зависимость от народной традиции имеет композиционная организация рекламного текста: беда — появление волшебного помощника — избавление от беды — счастливый финал; в-третьих, в системе рекламы особое место отводится слову, которое старается как можно полнее воспроизвести структуру фольклорной рекламной сказки, использовать загадку, чтобы вовлечь зрителя в коммуникативный процесс.

В. А. КУДАШКИН
С. А. ЯНЮШКИН

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ЯЗЫКОВ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ И КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

У коренных малочисленных народов своя история, культура, быт. Оленеводство, рыбный, зверобойный и пушной промыслы — традиционные отрасли хозяйства, которые определяют кочевые формы его ведения и соответствующий уклад жизни, очаговый характер расселения. Культура малочисленных народов оказалась на грани исчезновения из-за утраты родного языка, национальных профессиональных навыков, бытовых традиций, художественных промыслов, фольклора. Свою роль в этом сыграло и уменьшение материальных и финансовых вложений в культуру (*Бородкин Ф.М. Социальная политика в регионе: проблемы и пути их решения // Изв. Сиб. отд. АН СССР. 1991. № 2. С. 65–74; № 3. С. 42–52*).

Наиболее остро в начале 80-х гг. XX в. встал вопрос о сохранении языков малочисленных народов. Овладение русским наряду со своим родным языком, расширяло доступ коренным народам к достижениям науки, техники, отечественной и мировой культуры. Огромную литературу сотен отраслей науки и техники невозможно было перевести на языки малочисленных народов. По данным Ю.Д. Дешериева, в 1990 г. из 130 коренных народов СССР около 80 испытывали острую потребность в двуязычии в дошкольном воспитании, более 110 — в среднем образовании, 115 — в высшем образовании (*Сверчков В.И. Интернационализм сибиряков: Опыт и проблемы. Иркутск. 1992. С. 58*).

Статистические данные 1960-х–начала 1980-х гг. показывают, что русский язык получил большое распространение среди коренных народов. Он должен был объективно оказать положительное влияние на процесс интернационализации межэтнических взаимоотношений, функционирования и развития родных языков. В действительности изучению

русского языка в национальных школах Иркутской области и Красноярского края в тот период уделяли гораздо больше внимания, чем языкам коренных народов.

В научной литературе того периода как положительное явление, как проявление интернационализма показывали только рост численности коренных народов, владеющих русским языком. Многие партийные и советские работники интернационализм в языковой политике видели только в том, чтобы убедить или заставить народы изучать русский язык. В годы партийной и государственной деятельности Н.С. Хрущева, как весьма убедительный аргумент в пользу изучения русского языка: «Чем скорее все мы будем говорить по-русски, тем быстрее построим коммунизм» (*ГАКК. Ф.П. 35. оп. 1, д. 18, л. 22*).

В 80-е гг. XX в. стали постепенно возрастать возможности для изучения национальных языков у малочисленных народов Иркутской области и Красноярского края. В феврале 1980 г. было принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера» В соответствии с этим Постановлением были проведены лингвистические и социологические исследования по проблемам развития письменности на языках народностей Иркутской области и Красноярского края, стали разрабатываться программы, готовиться и выпускаться учебники, наглядные пособия, словари для общеобразовательных школ, педагогических училищ и институтов.

Однако, наряду с некоторыми положительными моментами, следует признать, что в изучении национальных языков, особенно малых народов, до сих пор встречаются серьезные трудности.

В 1966 г. в Эвенкийском автономном округе обучение на родном языке проводилось только в подготовительных классах, а в остальных — на русском. Эвенкийский язык, как предмет, ни в одной из начальных школ не изучался. Из 201 учителя в школах округа работали только 41 чел. коренной национальности. В последующие годы в результате принятых мер положение несколько изменилось. Но даже в 1970-е гг. некоторые национальные языки по-прежнему не имели стабильных учебных программ и достаточного количества учебников. В 1974 г. это наблюдалось в Туринской средней школе-интернате Эвенкийского автономного округа, где обучались русские, украинцы, эвенки, эвены, якуты, кеты, татары (*Там же, оп. 45, д. 27, л. 3*). Часть руководителей недооценивала роль национальных языков в жизни народов, особенно в семейно-бытовых отношениях.

Многие годы не изучался родной язык в школах Тофаларии. Только в последние годы положение стало несколько меняться: к 1989–1990 учебному году впервые появился букварь на тофаларском языке и началось изучение родного языка. Создателем письменности для тофаларов и первого букваря стал доктор филологических наук, главный научный со-

трудник отдела языкознания Бурятского института общественных наук Валентин Иванович Рассадин. Отрадным фактом его жизни является возрождение тофаларского языка. Благодаря ему в 1986 г. тофы получили свою письменность, были созданы школьные учебники, а с 1990 г. в тофаларских школах начато изучение родного языка, причем изучают его все учащиеся, независимо от национальности. Таково было решение собрания родителей.

Проблемы и недостатки в изучении национальных языков малочисленных народов Иркутской области и Красноярского края волновало многих представителей творческой интеллигенции. Так, известный советский писатель Юрий Рытхэу с болью отмечает, что дети эвенкийских оленеводов и охотников, выросшие в интернатах, не знают родного языка и часто настроены пренебрежительно или равнодушно к собственной культуре. Родной язык кажется им отсталым и примитивным, обреченным скорее на вымирание.

Наступившая в нашей стране перестройка дала возможность более широкого изучения национальных языков. В ст. 5-й Закона СССР «О языках народов СССР» от 1990 г. подчеркивается, что союзные и автономные республики, области, округа, национально-территориальные единицы должны создавать материальную базу и другие условия для всемерного развития языков народов СССР на своей территории, стимулировать их изучение. В этих целях принимаются общесоюзные, республиканские и местные программы развития языков народов СССР, обеспечивающие обучение на этих языках и их изучение, подготовку педагогических кадров, развитие литературы, науки и искусства, телевидения и радиовещания, издание книг, газет и журналов на языках народов СССР, выпуск словарей, справочников, учебной и учебно-методической литературы и другие меры, направленные на развитие языков. Для этого также используются национальные культурные центры, национальные общества, землячества, внешкольные формы обучения и пропаганды родного языка и других языков народов СССР.

В местной художественной самодеятельности тофаларский язык использовался до 1950-х гг. (пели песни, ставили переводные пьесы, например, Чехова и т.д.). Затем наступил долгий период, когда с местных клубных сцен звучал только русский язык, русские и советские песни. В 1985 г. никакой художественной самодеятельности на тофаларском языке не было. Лишь изредка клубные работники пытались что-то сделать с «национальным уклоном», но продолжения это не имело.

В результате в 80-е гг. XX в., согласно социологическим опросам, 97% тофаларов свободно владели русским языком, а родным — только 14,5%. Русский язык являлся основным разговорным языком у 92,3%, тогда как тофаларский лишь у 2,8% (ГАНИИО. Ф. 258, оп. 2, д. 7, л. 46). В 1985 г. из 110 детей в возрасте до 5 лет 3 говорили, 8 понимали тофаларский язык, а 89 чел. им не владели вообще. Даже после введения языка в програм-

му обучения это не дало ощутимых результатов. В 1989 г. из тофаларов в возрасте 20–29 лет только 3,8% свободно владели национальным языком, в возрасте 40–49 лет — 36%, в 50–59 — 71,9%, в 60–69 — 95%, старше 70 — 100% (ГАНИИО. Ф. 280, оп. 1, д. 4, л. 10).

Аналогичные процессы наблюдались и у представителей некоторых других малочисленных народов. Так, у энцев к концу 1980-х гг. тундровым диалектом энецкого языка владели не более десяти человек, лесным — два-три десятка. Возможно, даже эти цифры на самом деле преувеличены. Все носители языка — люди старших возрастов. Для остальных основным языком общения являлся русский или ненецкий. Необходимо отметить, что до середины XX в. энецкий язык считался диалектом ненецкого; в переписях 1959 и 1979 гг. (*Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. Т. 2. С. 214*) энцы не считались отдельным народом, и их записывали либо ненцами, либо нганасанами.

Эвенский язык повсеместно использовался в устной речи как средство общения внутри производственных коллективов, занятых в традиционных отраслях хозяйства (оленоводческие бригады), а также в бытовом общении лиц старшего поколения и наряду с русским языком — в общении лиц среднего поколения. Знание языка у детей наблюдалось, главным образом, в многодетных семьях, проживающих в национальных селах или постоянно находящихся в оленеводческих бригадах. Эвенский язык в письменной форме использовался в обучении родному языку в дошкольных учреждениях, в начальной школе, в отдельных районах — в средней школе; повсеместно эвенский язык выступал в функции предмета преподавания и не являлся языком обучения даже в дошкольных учреждениях. Оригинальная и переводная художественная литература на эвенском языке, а также печатные издания фольклорных текстов имели распространение в относительно узком, социально и профессионально ограниченном круге лиц — творческой интеллигенции, педагогов, методистов, авторов учебных пособий, научных работников.

Единственным исключением по показателям знания своего родного языка являются нганасаны. По результатам переписи населения 1979–1989 гг. 93,8% долган и 88,8% нганасан, населявших Таймыр, считали национальный язык родным (*Там же. Пол, возраст и состояние в браке населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. Статистический сборник / ЦСУ СССР. М.: Финансы и статистика, 1979. С. 218*). Такая ситуация возникла благодаря относительной изоляции от более крупных народов в 60–70-е гг. XX столетия.

К сожалению, как показывает анализ, изучение национальных языков в русских школах в 1960-е–начале 1980-х гг. в регионе было поставлено неудовлетворительно. Только незначительная часть русских, живущих в Сибири постоянно в окружении представителей других наций, считала родным или свободно владела языком других народов.